

ПИСАТЕЛЬ, ПРОПОВЕДНИК, ПУБЛИЦИСТ ПРОТОПОП АВВАКУМ

С.Н. ТРАВНИКОВ

SNTravnikov@pushkin.institute

д-р филол. наук,
профессор

Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Е.К. ПЕТРИВНЯЯ

EKPetrivnyaya@pushkin.institute

канд. филол. наук,
доцент

Государственного
института русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Е.Г. ИЮЛЬСКАЯ

EGIJul'skaja@pushkin.institute

канд. филол. наук,
доцент

Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Ключевые слова:

*старообрядчество,
раскол, житие, Аввакум,
церковная реформа*

DOI:10.37632/PI.2020.282.5.013

В статье рассматривается история жизни и творческого пути великого русского писателя XVII столетия Аввакума Петрова. Его борьба за верность идеалам древнего благочестия, столкновения с царской властью, осуждение амбициозных планов главы русской церкви, изображение исторической действительности сложного, противоречивого «бунташного» века нашли отражение в знаменитой книге расколоучителя – «Житии протопопа Аввакума» – удивительной автобиографии «пустозерского узника», посмеявшего встать на защиту другого, самобытного, не навязанного извне исторического пути России. Главная книга руководителя старообрядческого движения представляет собой уникальное литературное явление: в ней соединяются разножанровые элементы, создавая предпосылки для возникновения новой художественной формы – русского романа, представлены трагическое и ироническое начала, впервые в литературе показаны необъятные просторы России, введен новый для древнерусской книжности образ святого «грешника» – протопопа Аввакума.

Вот она, живая речь московская!

И.С. Тургенев

Замечательный писатель и церковный деятель Аввакум Петров (1620–1682) родился в «бунташном» XVII столетии, в период перехода России от Средневековья к Новому времени, когда царь-реформаторы – Алексей Михайлович и Петр Великий – упрямо ломали устаревшие экономические, политические, церковные, культурные, литературные традиции, пытаясь сблизить Московию и европейские

государства. Бурлила и волновалась старая Русь, воспитанная на византийских канонах церковной жизни и не желавшая принять от католиков и протестантов «латинскую прелесть». Плыла по русской земле от края до края бунты: восстание Степана Разина, Соловецкое осадное сидение, стрелецкие заговоры, чумной, медный, соляной мятежи. Доведенный до крайности произволом, голодом, грабежом народ громил подьяческие приказы, боярские дома и монастырские подворья в Москве, Новгороде, Пскове, Поволжье. В довершение к внутренним неурядицам Россия вела бесконечные кровавые войны с Польшей, Швецией, Турцией. Открыто не доверяли властям боярство, дворянство, купечество, духовенство, казачество, крестьянство. В верхах общества отчаянно спорили о путях развития России грекофилы во главе с патриархом Иоакимом и западники, возглавлявшиеся ученым, поэтом и ритором Симеоном Полоцким. В этом политическом, религиозном, культурном хаосе, битве мнений и идей, литературной «замятне» деятельно жил, боролся за чистоту православия, писал литературно-полемические сочинения великий русский книжник протопоп Аввакум.

«Огнеопальный» протопоп был автором более 80 литературных, богословских, полемических сочинений, но в историю отечественной словесности он вошел как создатель автобиографического жития.

Главная книга писателя начинается с эпического повествования о появлении на свет в центре России на берегах сакральной реки Волги русского пророка и мессии: «Рождение же мое в Нижегородских пределах, за Кудмою-рекою, в селе Григорове». В этом приволжском селе в 1991 г. был воздвигнут памятник писателю работы известного скульптора В. Клыкова. Как и положено святому человеку, Аввакум появился на свет в религиозной семье. Книжник вспоминал о двойственности в житейском поведении родителей: «Отецъ ми бысть священник Петръ, мати — Мария, унока Марфа» [4: 17]. Батюшка Аввакума больше «прилѣжаше пития хмельнова», чем к церковной службе, а матушка Мария «постница и молитвеница» оказала серьезное влияние на религиозное и нравственное развитие мальчика, воспитала в нем глубокую веру, любовь и уважение к православию. По ее настоянию в 1638 г. юноша женится на четырнадцатилетней дочери кузнеца Анастасии Марковне, ставшей его верной возлюбленной, другом и помощником, перенесшей вместе с мужем гонения, ссылки, тюрьмы.

Молодой, талантливый, искренне верующий человек, Аввакум был рукоположен в дьяконы, а в 1644 г. в священники в церковь соседнего села Лопатицы. Вводя в пастве нормы

Памятник протопопу Аввакуму в селе Григорово

христианской жизни, иерей столкнулся с местными чиновниками, которые не соблюдали православные заповеди: «начальник во ино время, на мя разсвиръпел, приѣзжав ко мнѣ в дом, бив меня, и у руки огрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубовъ своих и, покиня меня, пошелъ в дом свой. Аз же, поблагодаря Бога, завертѣвъ руку платомъ, пошел к вечернѣ. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки, со двема мальыми пищальми, и, близъ меня бывъ, запалил ис пистоли. И Божию волю на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю, из друга паки запалил так же — и Божия воля учинила так же: и та пищаль не стрелила. Аз же ... единою рукою осьгнул ево и поклонился ему. Онъ меня лаетъ, а я ему реклъ: «Благодать во устнѣх твоих, Иван Родионович, да будетъ!» [4: 19] Трижды священник вместе с женой и детьми бежал из родного села, чтобы не оказаться изуверченным или убитым ретивыми начальниками, ненавидящими честных людей.

Юный царь Алексей Михайлович, узнав о беде иерея, в 1652 г. назначил Аввакума протопопом в городок Юрьевец, расположенный на берегу реки Волги. Непреклонный в православном благочестии, выступая за исправление нравов общества, молодой протопоп быстро восстановил против себя мирян и духовенство, за что был избит до полусмерти пьяной толпой. Он вспоминал: «Дьяволъ научилъ поповъ и мужиков и бабъ, пришли к патриархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлал, и вытасца меня ис приказа собранием, — человекъкъ с тысящу и с полторы их было, — среди улицы били батожемъ и топтали; и бабы были с рычагами. Грѣхъ ради моих, замертва убили и бросили под избной

Патриарх Никон

уголь. Воевода с пушкарями прибѣжали и, ухватя меня, на лошади умчали въ мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Люди же ко двору приступаютъ, и по граду молва велика. Наипаче же попы и бабы, которыхъ уни-мал от блудни, вопятъ: «Убить вора, блядина сына, да и тѣло собакамъ в ровъ кинемъ!» [4: 22]

В 1652 г. на престол был возведен патриарх Никон, человек умный, деятельный, волевой, который начал проводить церковную реформу по усилению патриаршей власти, сближению русской и восточнохристианской обрядности, исправлению богослужебных книг.

Следует отметить, что в середине семнадцатого столетия «столкнулись два вектора: путь к национальному государству, гражданству и путь служивой бюрократии к наднациональной рабовладельческой империи» [2: 201]. Данное противоречие и привело к возникновению русского раскола. «Эти сложные и болезненные процессы базировались на религиозном сознании, занимавшем центральное место в структуре мировоззрения той эпохи. Общественная жизнь осмыслялась тогда сугубо в церковных понятиях, которые и определяли ту или иную политическую практику. Разгоревшийся конфликт стал религиозным столкновением двух позиций, образовавшихся в русском обществе» [7: 83].

Сторонник сильной церкви, патриарх понимал, что управление государством находится в руках молодого неопытного царя Алексея Михайловича, поэтому у владыки появилась возможность смены светской власти на власть духовную. Церковный правитель мечтал о создании в России теократического государства. Никон публично заявлял, что «царь меньше архиерея и ему в повиновении», а в частных разговорах о монархе не стеснялся в выражениях типа «я на него плюю

и сморкаю». Патриарх приказал именовать себя, как и царя, «великим государем».

Тайный поклонник латинства, Никон заимствовал у католической церкви принцип структурной организации во главе с независимым и непогрешимым папой римским. Он попытался основать по образцу и подобию ватиканской Папской области православную патриаршую область, включавшую 86 самых богатых русских городов, в том числе и Москву, чтобы еще больше обогатить церковь.

Для решения проблемы захвата власти нужно было консолидировать клерикальные силы, реорганизовать духовное управление епархиями, собрать единомышленников, подготовить общественное мнение. Никон видел, что православие стремительно утрачивает авторитет и влияние среди духовенства и мирян, поэтому решительно занялся нововведениями, которые должны были придать клерикальным кругам новый облик, сделать руководящей силой и признанным лидером России. Эти идеи были категорически отвергнуты последователями старорусского вероучения, в них виделось «влияние ненавистного латинства, а также ущемление старины, подпадающей под чуждую религиозную унификацию» [7: 83]. Реформы вызвали волну негодования в народе и духовенстве, не пожелавших принять «еретические» новшества, что привело к первому расколу русской православной церкви, непреодоленному до сих пор. К сожалению, «идеологическое противостояние не стало уделом интеллектуальных споров о догматике, быстро обретая силовой характер. Осада Соловецкого монастыря, бунт на Волге Степана Разина, стрелецкая «хованщина» в Москве – все это свидетельства борьбы, захлестнувшей Русь. Выяснение отношений под аккомпанемент оружейных залпов неизбежно заканчивалось торжеством властей и, как следствие, казнями ее непримиримых оппонентов. Яркие образы защитников веры предков, не сломившихся под прессом государственно-церковной машины, навсегда сохранены народной памятью. Для многих поколений старообрядцев эти заступники «за истинную веру» стали тем ориентиром, по которому сверялось вероучение и жизненные принципы» [7: 84].

Патриарх Никон попытался использовать административный ресурс против несогласных с «новинами»; судьба защитников истинной веры была предрешена, многие были сведены в могилу, большинство сломлено. Аввакум возглавил старообрядческое движение, отстаивающее древнее благочестие.

Ревностный защитник русского православия, он не смирился с никоновскими реформами и выступал со страстными проповедями в Казанском соборе и в храме Аверкия в Замоскворечье,

а когда был изгнан из этих храмов, проводил богослужения в доме «боголюбца» Ивана Неронова. Совершение литургии и таинств вне собора – знак отречения от церкви, поэтому в августе 1653 г. мятежный священник был арестован, заключен в темницу Спасо-Андроникова монастыря, где его морили голодом, унижали, били, заставляли отказаться от старой веры. Аввакум нарисовал колоритную картинку монастырской тюрьмы: «...на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидѣл три дни, ни елѣ, ни пилѣ; во тмѣ сидѣя, кланялся на чепи, не знаю – на восток, не знаю – на запад. Никто ко мнѣ не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. (...) И послѣ вечерни ста предо мною, не вѣлѣмъ – ангелѣ, не вѣлѣмъ – человекѣ, (...) в потемкахъ молитву сотворилѣ, и, взявѣ меня за плечо, с чепью к лавке привелѣ и посадил, и лошку в руки дал и хлѣбца немношко и штецѣ дал похлебатъ – зѣло прикусны, хороши! И реклѣ мнѣ: «Полно, довьлет ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только человекѣ, а что же ангелѣ? Ино нечему дивитца – вездѣ ему не загорожено» [4: 24]. Склонный к теософскому осмыслению бытия, Аввакум рассматривал Божий свет в двух плоскостях: мир реальный, земной и мир сакральный, потусторонний, где борются за души мирян добрые и злые силы. Считая себя человеком особенным, протопоп постоянно подбирал примеры из жизни, когда ангелы и демоны вмешивались в его земные дела, помогали в трудную минуту, наказывали за грехи, смущали и сбивали с истинного пути.

В середине сентября 1653 г. протопоп Аввакум с семьей был сослан в Сибирь, в город Тобольск, и определен священником в Воскресенский храм. Проповедь строгой нравственности восстановила против протопопы прихожан, а призывы не принимать реформы Никона до оторопи испугали местную администрацию: за полтора года пребывания в Тобольске на него пять раз сказывали «слово и дело государево», т.е. обвиняли в политических преступлениях. Впрочем, опальный священник неоднократно сам давал повод для преследования властей: он публично в церкви отхлестал ремнем дьяка Ивана Струну за злоупотребление служебным положением, пьянство и дебош в храме, поэтому был вынужден скрываться от прихожан, решивших заступиться «за бесчестие ближнего», жестоко наказав обидчика, «свести в воду», попросту утопить попа в реке. Попытки найти защиту у местных чиновников не увенчались успехом.

За то, что Аввакум не смирился, «бранил и укорял ересь Никонову», он был отправлен на край земли, в Забайкалье, «в Даурию», в отряд воеводы-землепроходца Афанасия Пашкова,

который открывал неизвестные пространства Сибири, наносил на карту и присоединял к Российскому государству. В отряде мятежный протопоп испытывал постоянные притеснения со стороны Пашкова, который «мучил» его по приказу патриарха Никона: «Взяли меня палачи, привели перед него. Онъ со шпагою стоить и дрожитѣ; начал мнѣ говоритѣ: «Поп ли ты, или роспопѣ?» И аз отвѣщалѣ: «Аз есмѣ Аввакумѣ протопоп! Говори, что тебѣ дѣло до меня?» Он же рыкнулѣ, яко дивий звѣрь, и ударилѣ меня по щоке, та же по другой, и паки в голову, и збилѣ меня с ногѣ, и, чеканѣ ухватя, лежачева по спинѣ ударилѣ трижды и, разболочи по той же спинѣ семѣдесятѣ два удара кнута» [4: 29]. Избиения и издевательства над Аввакумом стали привычным развлечением даурского воеводы.

В рассказах протопопы трагическое перемежается с комическим, бытовое с сакральным, высокое с низким: «Посемѣ привезли въ Брацкой острогѣ и в тюрьму кинули, соломки дали. И сиделѣ... в студеной башне... да Богѣ грѣлѣ и без платья! Что собачка, в сололке лежу: коли на кормятѣ, коли нѣтѣ. Мышей много было, я их скуфьею билѣ, – и батожка не дадутѣ, дурачки! Все на брюхе лежалѣ: спина гнила, блохѣ да вшей было много» [4: 31].

Принцип правдоподобия, остающийся главным для древнерусского исторического повествования, сохранялся в произведении расколуучителя и выражался в стремлении писателя убедить читателей в том, что его собственное сообщение о событиях более достоверно, чем информация других. Стараясь оказать влияние на отношение и поведение слушателей, автор изображал поступки конкретных людей как примеры добродетели или порока. Так достигались не только практические проповеднические цели «ревнителей благочестия», но и решалась задача убеждения паствы. Примерами добрых дел служили личные достижения писателя, а люди, причастные к несчастьям, постигшим протопопы, его семью, единоверцев, да и всю Русь, показаны во власти греха. Таких эпизодов много. В «Житии» Аввакума самым ярким отрицательным персонажем подобного рода стал Афанасий Пашков («И отдали меня Афонасью Пашкову в полкѣ, – людей с нимѣ было 600 человекѣ; и грѣхѣ ради моихѣ суровѣ человекѣ: безпрестанно людей жжетѣ, и мучитѣ, и бѣтѣ. И я ево много уговаривалѣ, да и самѣ в руки попалѣ. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня»¹) [5: 20]. Ссыль-

¹ В связи с разночтениями приводится цитата из другой редакции: «Житие» Аввакума // РИБ. Сочинения старообрядцев XVII века Т. 39. Л., 1927. С. 20 (редакция А.)

ный иерей был единственным священником в отряде Пашкова, вел службу, утешал больных и раненых, отпевал погибших, крестил инородцев и родившихся младенцев. За эти годы Аввакум три раза тонул в озерах и реках, голодал вместе с семьей, блуждал без дорог по тайге, замерзал в снегах, кормил комаров в болотах, пережил нападение воинственно настроенного местного населения. В это тяжкое время у него умерло двое маленьких сыновей. Главной опорой и отрадой несгибаемого протопопа была его верная жена Настасья Марковна. С горечью и гордостью вспоминал Аввакум многовестную переправу через Иргень-озеро, когда он *«...самъ и протопопица брели пеши, убивающесе о ледъ. (...) Отстать от лошадей не смеемъ, а за лошедами итти не посеемъ, голодные и томные люди. Протопопица бедная, бредетъ-бредетъ да и повалитъся: кольско гораздо! (...) Я пришолъ, на меня, бедная, пеняетъ, говоря: «Долго ли муки сея, протопопъ, будетъ?» И я говорю: «Марковна, до самья до смерти!» Она же, вздохня, отвечала: «Добро, Петровичъ, ино еще побредемъ»* [4: 36].

В 1662 г. опальный священник получил приказ выехать из Сибири. Два года семья добиралась до Москвы, а в дороге неутомимый Аввакум неустанно вел проповедническую деятельность, «по всем городам и селам, в церквах и на торгах кричал», обличая «Никонову ересь». Причина возвращения опального священника из ссылки связана с отстранением от дел патриарха Никола и желанием царя Алексея Михайловича привлечь на свою сторону Аввакума, пользовавшегося огромной популярностью в народе.

Москва приветливо встретила сибирского сидельца: по приказу государя бояре, церковные иерархи, светские чиновники убеждали твердо в вере протопопа смириться с необходимостью церковных реформ по никоновским образцам, просили молчать о несогласии с переменами в церковной жизни, но он упрямо отстаивал старообрядческие идеи, выступал на религиозных собраниях, «бранитца со отступниками ходил»: когда Аввакум, прогуливаясь по столице, видел, что священники ведут службу по обновленным книгам, то изгонял их из храмов и сам проводил богослужение по дониконовским истинным образцам. Священники жаловались в патриархию, что неистовый протопоп «загустошил» все московские церкви. Царь Алексей Михайлович, понимая, что сломить Аввакума невозможно, сослал его вместе с семьей в Архангельскую землю, на реку Мезень, где он два года находился в заключении в земляной тюрьме.

В Москве в феврале 1666 г. был открыт Церковный собор, в котором принимали участие антиохийский патриарх Макарий и александрийский патриарх Паисий. Церковный съезд

был созван для суда над патриархом Никоном, избрания нового церковного владыки и предания анафеме старообрядцев. В столицу с Мезени доставили Аввакума. Протопопа убеждали покориться порядкам новой церкви патриархи Макарий и Паисий, митрополит Павел Крутицкий, епископ Иларион Рязанский, светские чиновники – ближний боярин царя Артамон Матвеев, руководители силовых ведомств – дьяк приказа тайных дел Дементий Башманов, стрелецкий голова Юрий Лутохин, поэт и полемист Симеон Полоцкий. Борец с никонианством признался, что переговоры давались ему очень трудно: *«И зело было стязание много: разошлись яко пьяни...»* Спор в кремлевском Чудовом монастыре с патриархами и архиереями кончился для Аввакума плачевно: *«Толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились, человек сорок, чаю, было, – велико антихристово войско собралось»* [4: 53].

По решению властей Аввакум был сослан в сельцо Пустозерск. Перед отправкой из Москвы он присутствовал на Болотной площади, где его соратникам, иноку Епифанию и попу Лазарю, за проповедь старообрядчества «урезали языки».

Пустозерск, расположенный за Полярным кругом, на реке Печоре, по словам писателя, представлял собой «место тундряное, студеное и безлесное». Заключенные попали в нечеловеческие условия. Аввакум вспоминал: *«Та же осыпали нас землю: трубъ въ землгъ, и паки около земли другой трубъ, и паки около всехъ общая ограда за четырьми замъками; стражие же пред дверми стрежаху темницы... запечатлен в живом аде плотно гораздо; ни очю возвести на небо возможно, едина скважня, сиречь окошко. В него пищу подают, что собаке; в него же и ветхая измещем; тут же и отдыхаем. Сперва зело тяжко от дыму было: иногда, на земли валяся, удушисся, насилу отдохнешь. А на полу том воды по колени, – все беда. <...> А сежу наг, нет на мне ни рубашки, лише крест...»* [4: 59].

Руководители старообрядцев, не смирившиеся с забвением традиций русского православия, в пустозерской тюрьме продолжали вести борьбу с вероотступниками-никонианами. С помощью «верных людей» они рассылали по всей России грамоты, послания, письма, поучения, весточки, призывая «истинных боголюбцев» сохранять старую веру, завещанную первой христианкой княгиней Ольгой и крестителем Руси князем Владимиром. Протопоп учил чад духовных тому, что древнее благочестие сохраняется только молитвой, что сотворенная по всем правилам, она способна совершать чудеса. «Житие» расколоучителя наполнено видениями, рассказами о трудной богоугодной жизни, что должно было подтвердить особую благосклонность высших

сил, возвысить авторитет автора в глазах читателей. Рассказ о себе иллюстрирует Божью благодать, избранность Аввакума, свидетельствует о правильном выборе протопопа и его верных последователей, служении праведному делу. Появившаяся в XVII в. формула «слово и дело» очень точно характеризует отношение старообрядцев к избранному ими тернистому пути защиты православной старины: они считали делом жизни противодействие никоновским новинам, и борьба эта выражалась в слове и словом. Забегая вперед, можно вспомнить «громкую историю 1681 г., когда 6 января во время крещенского водосвятия московские староверы учинили разгром в опустевших Успенском и Архангельском соборах. Это было не столько акт вандализма, сколько символическое осквернение. «В храмы были занесены сальные свечи, а двери обмазаны дегтем. Сальные свечи в церковном обиходе не употреблялись, их считали нечистыми. Деготь – общеизвестный знак позора, им мажут ворота гулящей девке. В глазах бунтарей официальная церковь утратила непорочность, уподобилась блуднице и не могла претендовать на духовное руководство» [6: 39]. Показательно, что зачинщиком этого акта признали Аввакума, находящегося за тысячи верст от Москвы.

Многочисленные сочинения защитника старой веры, оставшись единственным средством распространения идей «древнего благочестия», рассылались по России, умножая количество сторонников и укрепляя паству верных. Учительный текст стал для него формой дела, и его борьба продолжилась в слове. «Протопоп без обиняков связывал различные эпизоды своей жизни с судьбами России (*«Верный разумеет, что делается в земли нашей за нестроение церковное»; «...виждь, слышателю: необходимая наша беда, невозможно миновать!.. Выпросил у Бога светлую Росию сатона, да же очервленит ю кровию мученическою»*), писатель постоянно пояснял, что его рассказы отражают происходящее «везде», показывают «дни наша ныне», «люто время». [3: 193] Власти ответили на это жестокой расправой над бунтарями. 14 апреля 1670 г. состоялась «вторая казнь»: попу Лазарю, иноку Епифанию, дьяку кремлевского Успенского собора Федору вторично, за излишнюю разговорчивость и написание посланий единоверцам «урезали языки» и «по запястье руки отсекли». Протопопа опять не тронули, но заставили смотреть, как палачи уродовали его друзей.

Пятнадцать лет провели в земляной тюрьме, в зоне вечной мерзлоты узники совести. Сменявшие друг друга светские и духовные власти (цари Алексей Михайлович (ум. 1676), Федор Алексеевич (ум. 1682), патриархи Иоасаф II (ум. 1672), Иоаким (ум. 1690) не даровали свободу

религиозным противникам. Они выпустили из тюрьмы патриарха Никона, но продолжали гноить в темницах протопопа Аввакума и его товарищей. Церковный собор 1681–1682 гг., отметивший недовольство народа деятельностью царской и патриаршей администраций, увидел в этом происки старообрядцев и принял решение о казни вождей раскола. В Пустозерск был послан капитан стрелецкого полка И.С. Лешуков. 14 апреля 1682 г. он привел в исполнение решение Церковного собора: протопоп Аввакум вместе «с союзниками» священником Лазарем, иноком Епифанием, дьяконом Федором были заживо сожжены в срубе «за великия на царский дом хулы...».

В автобиографическом «Житии» крайне противоречивой и сложной предстает личность Аввакума – бунтаря и мученика, аскета и гедониста, строгого моралиста и «святого грешника», мистика и прагматика, фанатика веры и богоборца. Учение писателя проникнуто идеями религиозно-символического характера, враждебным отношением к науке и просвещению, проповедью нерушимости средневековых устоев жизни, мыслями о национально-религиозной исключительности русских. Будучи глубоко верующим человеком, не подвергавшим сомнению основные догматы христианства и социального мироустройства, Аввакум представлял их в сниженно-материализованном виде, впадал в откровенную ересь, что рождало конфликты даже внутри старообрядческой среды. Разночинное происхождение писателя, знакомство с жизнью социальных низов общества, демократические убеждения, лишения и тяготы собственного жизненного пути привели писателя к идее естественного равенства людей.

Для Аввакума была характерна высокая самооценка личности. Сравнивая свою жизнь с деяниями Христа и апостолов, он назвал собственное автобиографическое произведение «книгой живота вечного». «Житие» – произведение неканонического порядка, в котором органически слиты традиции агиографии и автобиографии, исповеди и проповеди. Отбор и расположение материала подчинены не столько житийной теме, сколько логике жизни Аввакума и идеологической борьбе его эпохи. Свободная композиция произведения мятежного протопопа позволяет нарушать хронологическую последовательность рассказа, что приводит к прерывистости повествования. «Житие» Аввакума вырастает в историю души человека, поднявшегося на борьбу за свои убеждения, причем изображение героя лишается одноплановости, развивается на широком фоне общественно-политической жизни России второй половины XVII в.

Писатель не случайно избирает литературную форму жития – в ней можно наиболее полно

дать социальную и духовную биографию человека. Кроме того, этот жанр был ориентирован Аввакумом на привычный для Средневековья круг чтения, помогал «освятить» собственный жизненный подвиг и через это приобщить читателей к старой вере. Рассказывая о своей жизни, автор отбирает те факты, которые помогли бы ему документально засвидетельствовать происшедшие события, «жестокости» никониан и мучения «ревнителей древнего благочестия». Яркие эпизоды столкновений с властями окрашиваются сатирическими тонами; смирение сменяется явной издевкой над врагом, на непристойную брань «начальника» протопоп иронично отвечает: «Благодать да во устнех твоих, Иван Родионович, да будет» [4: 19–20].

Реально-бытовые сцены, широко представленные в произведении расколоучителя, играют важную роль в описании собственных действий, детали становятся многозначными. А.С. Демин, комментируя рассказ о том, как Аввакум сидел в темнице Андроньева монастыря, приходит к выводу о способностях деталей передавать одновременно несколько признаков одиночества заключенного: «и темноту, с оживленной деятельностью ночных животных и насекомых; и тесноту «полатки», где вокруг узника ползают тараканы и пробегают никем не пугаемые мыши; и полную тишину в «земляной» темнице, не прерываемую извне ни одним человеческим голосом. Отражение этого находим в указанной реально-бытовой детали: сверчки у Аввакума не стрекочут, а «кричат». Это преувеличение, так как словом «кричать» Аввакум всегда обозначает громкие звуки, а между тем он очень точно называет звуки, издаваемые разными животными (ср.: «Как поехали, лошади под ними взоржали вдруг, и коровы тут взревели, и овцы и козы заблеяли...»). То, что сверчки у Аввакума «кричат», указывает, по-видимому, на полную тишину, в которой он их слышал» [3: 64]. Детали призваны в «Житии» раскрыть не только размах развернувшейся религиозно-политической борьбы, так как автор каждый рассказ подкрепляет соответствующими нравоучениями и комментариями, но и как образец собственно истинно христианского поведения, одобренный высшими силами. Задачей литературного труда «огнеопальный» протопоп видел описание жизни как исполнение «дела божия».

Лучшее сочинение писателя строится на чередовании лирических, эпических и драматических фрагментов. Эпичность проявляется в широком временном охвате жизни, подробном описании бесконечных просторов России от Нижнего Новгорода до Даурии, от Москвы до Пустозерска. В «писаньце» протопопа изображены десятки людей от верхов общества, царя

Алексея Михайловича, до патриарха Никона, до низов – юродивых Кирилла и Федора. Лирическая составляющая прослеживается в авторских отступлениях и размышлениях, молитвах, плачах, воспоминаниях о жене и детях, духовных сыновьях и дочерях, погибших в неравной схватке с никонианами. Драматическое начало заметно в сценически построенных монологах и диалогах, обширных репликах, сопровождающих наиболее яркие события из жизни старообрядца-бунтаря. Писатель преодолевает средневековую однолинейность повествования, смешивает в одном фрагменте текста трагические и комические мотивы. Задолго до Н.В. Гоголя древнерусский книжник изображал действительность «с помощью смеха сквозь невидимые миру слезы».

Исповедальность – характерная черта этого автобиографического сочинения. «Житие» протопопа Аввакума – чистосердечная повесть о жизни, религиозно-политической борьбе, духовном мире человека, сознательно вступившего в смертельную схватку с властями за право исповедовать свою веру.

Любимый прием писателя Аввакума – опрощение, которое выступает на жанровом, образном, языковом уровне. Жанровое снижение заключается в упрощении высокого по статусу жития святого до автобиографии попа-расстриги, посаженного в тюрьму для особо опасных преступников. Образное опрощение проявляется в снижении или изначальном разрушении авторитета известных людей. Царь Алексей Михайлович получил от писателя обидное прозвище «пырскливого козла», а патриарх Никон именуется «носатым и брюхатым борзым кобелем».

Ведущим признаком стиля протопопа оказывается смешение двух стилистических пластов – богослужебного и разговорного. Писатель стремился преодолеть зависимость от литературного канона и на законных основаниях ввести в творчество яркий и образный просторечный язык. Подобные попытки приводили к смешению разговорной речи с привычными формами книжных стилей и вызвали достаточно противоречивое отношение у современников. В сочинении старообрядца оформился и главный стилистический прием – импровизированная беседа, для которой характерно постоянное обращение к слушателям – духовным детям, христианам и ко всем божьим людям.

Разговорно-речевая стихия, являющаяся в народном творчестве основой сказа, в повествовании Аввакума превращается в связующую стилистическую форму, достаточно органично сочетаясь с нормами книжного языка. Как отмечал В.В. Виноградов, «в сказе преобладают стремительно сменяющиеся обозначения внешних симптомов чувств («ноги задрожали») или

чаще – торопливая передача движений, эмоциональную основу которых сами герои вскрывают в коротких диалогах с разнообразным характером эмоциональных интонаций...» [1: 38]. Интонационный рисунок произведения получался неровным: спокойное повествование то и дело прерывалось вопросами, обращениями, восклицаниями, затем вновь сменяясь замедленным течением сказа со множеством повторов и характерных сказовых формул.

Протопоп Аввакум понимал необычность языковой и стилевой манеры «Жития».

В «Предисловии» он писал: «...вы, Господа ради, чтущий и слышащий, не позарите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обычк речи красить... Вот что много рассуждать: не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры Господь, но любви с прочими добродетельми хоцет; того ради я и не брежу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго, но простите же меня, грѣшнаго, а вас всѣх рабов Христо-вых, Бог простит и благословит» [4: 112]. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980.
2. Глинчикова А.Г. Раскол или срыв «русской Реформации»? М., 2008.
3. Демин А.С. О художественности древнерусской литературы. М., 1998.
4. Житие Аввакума // Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н.С. Демкова, Н.Ф. Дробленкова, Л.И. Сазонова. Л., 1975.
5. «Житие» Аввакума // РИБ. Сочинения старообрядцев XVII века Т. 39. Л., 1927. (редакция А).
6. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры (XVII–начало XVIII века). Т. 3. М., 1996.
7. Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. М., 2018.

References

1. Vinogradov V.V. O yazyke hudozhestvennoj prozy. M., 1980.
2. Glinchikova A.G. Raskol ili sryv «russkoj Reformacii»? M., 2008.
3. Demin A.S. O hudozhestvennosti drevnerusskoj literatury. M., 1998.
4. Zhitie Avvakuma // Pustozerskij sbornik. Avtografy sochinenij Avvakuma i Epifaniya / Izd. podgot. N.S. Demkova, N.F. Droblenkova, L.I. Sazonova. L. 1975.
5. «Zhitie» Avvakuma // RIB. Sochineniya staroobryadcev XVII veka T. 39. L., 1927. (redakciya A)
6. Panchenko A.M. Russkaya kul'tura v kanun petrovskih reform // Iz istorii russkoj kul'tury (XVII– nachalo XVIII veka). Vol. 3. M., 1996.
7. Pyzhikov A.V. Grani russkogo raskola. Tajnaya rol' staroobryadchestva ot 17 veka do 17 goda. M., 2018.

S.N. Travnikov

Pushkin State Russian language Institute
Moscow, Russia

E.K. Petrivnyaya

Pushkin State Russian language Institute
Moscow, Russia

E.G. Iulskaya

Pushkin State Russian language Institute
Moscow, Russia

PROTOPOPE AVVAKUM: THE WRITER, THE PREACHER, THE PUBLICIST

Old belief, schism, hagiography, Avvakum, Church reform.

The article deals with the life and creative path of the great Russian writer of the seventeenth century Avvakum Petrov. His struggle for the ideals of ancient piety, a collision with the royal power, the condemnation of the ambitious plans of the head of the Russian Church, his description of the historical reality of a complex controversial «rebel» of the century is reflected in the famous book of resolutions – «the Life of Avvakum» – the amazing autobiography of the «pustozersk prisoner» who dared to stand up for another, original, not imposed from outside of Russia's historical path. The main book of the leader of the old believers movement is a unique literary phenomenon: it combines elements of different genres, creating the prerequisites for the appearance of a new artistic form – the Russian novel. There presents the tragic and ironic beginning, shows in detail the vast expanses of Russia, introduced a new image of the holy «sinner» – protopop Avvakum.